

С.М. ЛОЙТЕР

КРАЕВЕД И.М. ДУРОВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ ПОМОРСКИХ ДЕТСКИХ ИГР

Работая в архиве Карельского научного центра РАН и разыскивая прежде всего то, что имеет отношение к культуре детства, всякий раз убеждалась, сколь многочисленны и в то же время сколь значимы материалы поморских коллекций 1913—1936 гг. (а это тексты разных жанров), собранные И.М. Дуровым¹, уроженцем старинного села Сумской Посад на побережье Белого моря. И сами фольклорные записи, и сопровождающие их пометы и примечания, и короткая Биографическая справка, в которой лишь перечисление отдельных дат и фактов (место и год рождения — 12.VI.1894; сведения о том, что окончил Сумское двухклассное училище Министерства народного просвещения; с 1910 г. начал работать по краеведению на территории Сорокского и Кемского р-нов Карелии; с 1911 г. член поморского Отдела Архангельского Общества изучения Русского Севера; с 1923 г. член Общества изучения Карелии, в Сумпосаде организовал его отделение и был до 1927 г. председателем правления)² свидетельствовало, что Дуров никогда не покидал родного села, где рано, дойдя до всего самообразованием, увлекся краеведческой работой, которой занимался не от случая к случаю, а непрерывно и постоянно.

Существующие печатные источники — «Биографический словарь» С.В. Григорьева (в нем 12 строк и отсутствуют даты жизни — «конец XIX — первая половина XX»), газетные статьи — подтверждали, что «один из лучших краеведов Карелии» И.М. Дуров активно участвовал в работе журнала «Известия Общества изучения Карелии», а «с 1926 года он член Соловецкого общества краеведения, где в 1929 году издается его первая крупная работа "Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья"»³. Видимо, одновременно Дуров работал над «Словарем живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» (12090 слов). Сохранилось его письмо в Карельский НИИ⁴, куда словарь и был передан.

Немаловажное дополнение — публикации И.М. Дурова: «Несколько слов о кустарной промышленности в Поморье», «Из нужд Поморского Побережья»⁵, «Очерки Кемского Поморья», «Песни

Кемского Поморья»⁶. Особенно интересны две последние. В «Очерках Кемского Поморья» — описание летней поездки на карбасе и впечатления от услышанных звуков женской поморской песни, во второй — полная запись 11 текстов поморской песни, попытка обозначить ее особенности и предложить свою классификацию. В первый очерк вставлен рассказ женщины, являющий собой бытовавшее в старообрядческой среде топонимическое предание о Полтамской Корге (*корга* — небольшой островок, поросший растительностью. — Прим. И.Д.). Поскольку оно содержит редкий мотив, восходящий к агиографии, и оказалось не замеченным фольклористами, приведу его целиком:

«Давно это было. В досельное время однажды к этой корге, спасаясь от погодушки (шторм, морская буря. — И.Д.), пристал карбас с богобоязненным семейством — из мужа с женой и их больной дочерью — девочкой. Здесь они были поражены страшной находкой. На одном из выступов скалы покоилась, сидя на прятке, красивая мертвая девушка, одетая в костыч (вид русского сарафана, который носят здесь только староверки и их приверженцы. — И.Д.). Когда ее тело было предано земле, совершилось чудо, которое и упрочило за этим островком его популярность. Больная девочка, которую родители нарочно везли в Кемь к одному известному в то время старичку-знахарю, сделалась совершенно здоровой. В ознаменование этого события на острове почитателями "Полтамской девы" была построена часовня, которая создала острову широкую известность среди староверов Поморья, и сюда долгое время щедро лились "доброхотные" приношения, пока эта часовня не была разрушена одним из приставов...»

В очерках Дурова последующих лет — «Кустарное производство поморских рукодельниц», «Наважий промысел Поморья»⁷, «На путине»⁸ — фольклорно-этнографическую доминанту заменила производственная, а это уже симптомы тех известных процессов, что с конца 1920-х гг. начали превращать краеведение в инструмент государственной политики.

После 1936 г. имя Дурова исчезает из печати. Изданная Карельским отделением общества «Мемориал» книга «Место

расстрела Сандармох» ставит последнюю точку в судьбе И.М. Дурова. Под заголовком «Сорокский район. Деревня Сумской Посад» в большом списке лиц следующая запись: «Дуров Иван Матвеевич расстрелян 3.04.1938. 1894 года,

Анна Семеновна и Матвей Александрович Дуровы — родители И.М. Дурова. Фотография сделана предположительно до 1917 г., с. Сумпосад

И.М. Дуров в возрасте 19-ти лет. Сумпосад, 1913 г.

проживал по месту рождения, русский, счетовод школы. Реабилитирован Верховным Судом КАССР. 12.04.1988»⁹. Сандармох — урочище в 5 километрах от станции Медгора — место захоронения тысяч невинно убиенных жертв политических репрессий БеЛАГа, Соловецких островов, жителей Карелии и всей страны. Теперь это мемориальное кладбище.

Чем мог быть неугоден И.М. Дуров и какие поводы дал местной большевистской власти и местному отделению НКВД для ареста? Их гнев мог вызывать упорядоченный, с твердыми нравственными правилами быт и уклад семьи Дурова, укорененный родителями-старообрядцами, людьми грамотными, трудолюбивыми и безбедными (отец — помор, капитан небольшого промыслового судна, утонул в 1932 г.). Мог раздражать добротный дом «с хорошей мебелью, письменным столом, на котором всегда было много бумаг, множеством старинных книг и икон в каждой комнате, музыкальными инструментами (скрипка, балалайка, мандолина)». Обо всем этом поведала в своих письмах из Ростовской области и при личных встречах с автором этих строк дочь Дурова Л.И. Носикова. Но, разумеется, главная причина — направленность краеведческой работы, интерес к прошлому, традиционной культуре, этнографии, а не к современным достижениям и трудовым подвигам. В начале 1930-х гг. по «делу краеведов» в стране прошли массовые аресты. О том, как они отозвались в Карелии, свидетельствует судьба профессионального краеведа-фольклориста, научного сотрудника Карельского НИИ культуры Николая Николаевича Виноградова, которому на страницах «Живой старины» (1996, № 4) посвящен материал А.М. Решетова, где есть такие слова: «Место захоронения неизвестно». Теперь с выходом упомянутой книги «Место расстрела — Сандармох» на 192-й странице под фамилией «Виноградов Николай Николаевич» значится «Расстрелян 8.01.1938 г.».

Мне представилась возможность познакомиться с материалами уголовного дела И.М. Дурова в Карельском Управлении ФСБ¹⁰. В нем: Постановление от 28 февраля 1938 г., в котором говорится, что И.М. Дуров «состоит участником контрреволюционной вредительской диверсионной организации и ведет в ней контрреволюционную деятельность», и распоряжение о необходимости «содержать под стражей в Кемской тюрьме»; Ордер № 80 на обыск и арест; три Про-

токола допросов обвиняемого И.М. Дурова от 4 и 8 марта 1938 г. Ни на одно из предъявленных обвинений Дуров не ответил опровержением, признав себя «участником контрреволюционной эсеровской организации». На вопрос «Кто входил в контрреволюционную эсеровскую организацию?» назвал 17 человек, трое из которых уже были арестованы и приговорены, а остальные, как свидетельствуют пометы против фамилий, вообще нигде «не значатся» и вымышлены. На вопрос «В чем выражалась контрреволюционная эсеровская подрывная работа?» он ответил: «Саботаж, вредительство советской власти; когда проходила коллективизация я, Дуров, утверждал, что более жизненным будет колхоз тогда, когда в колхоз вольются одни зажиточные хозяйства <...> В 1934 поручил провести в Выгостровском колхозе вредительский опыт над овощами <...> было умышленно засеяно 400 кв. м. гречей и фасолью, благодаря чему колхоз ничего не получил, кроме убытка». На вопрос «Каким путем вы добивались восстановления капитализма в СССР?» следовал ответ: «...путем поднятия вооруженного восстания и свержения советской власти». Заключение: «И.М. Дуров обвиняется в том, что: 1) С 1929 года состоит участником контрреволюционной эсеровской организации; 2) Вел контрреволюционную агитацию и вербовал новых лиц в организацию; 3) Готовил и осуществлял вредительско-диверсионные акты в колхозе; 4) Являлся руководителем крестьянской группы Сорокского района. Настоящее дело подлежит рассмотрению на тройке НКВД АКССР». 22 марта последовало Постановление «тройки» НКВД, вынесшее приговор о расстреле И.М. Дурова. Как теперь ясно, после вынесения приговора Дуров был этапирован к месту расстрела Сандармох вблизи города Медвежьегорска, где 3 апреля 1938 г. приговор был приведен в исполнение. Следующий документ в этом деле: Протест от 5.IV.1988 г. по постановлению «тройки» НКВД КАССР от 22 марта 1938 г., подписанный прокурором В.М. Богдановым: «Обвинение построено на явно вынужденном голословном самооговоре и оговоре Дурова другими лицами, необоснованно осужденными в то же время по тем же обвинениям <...> Прошу: Постановление Тройки НКВД КАССР от 22 марта 1938 г. по делу И.М. Дурова отменить, а дело прекратить».

Но вернемся к фольклорно-краеведческой деятельности И.М. Дурова. О

значении ее для фольклористики говорят следующие факты. Первая фольклорно-этнографическая публикация И.М. Дурова «Святки в Поморье» (ему в это время было 16 лет) используется и много цитируется в статье современного исследователя А.Н. Розова «Русское рождественское христославение»¹¹. Заговоры (а их 109) из архивных коллекций И.М. Дурова полностью вошли в сборник «Русские заговоры Карелии»¹², они подробно прокомментированы, а их тексты названы составителем «одними из лучших». Духовные стихи (36 текстов) включены в готовящийся сборник и исследуются в работах С.В. Федоровой¹³. Многие тексты детского фольклора, извлеченные из разных коллекций, введены в научный оборот собранием в серии «Памятники фольклора Карелии» и публикацией в сборнике «Проблемы детской литературы и фольклор»¹⁴. Вместе с тем в названных материалах, наряду с причитаниями, песнями, паремиями и частушками, есть большая, отдельная коллекция И.М. Дурова «Детские игры, развлечения, записанные в Сорокско-Кемском районах Беломорья», которая до сих пор остается архивным достоянием. К ней приложено написанное рукой собирателя «Оглавление к играм и развлечениям»¹⁵. Его графы — «название игры», «где бытует», «от кого записана или кто рассказал», «когда записана» — говорят о том, что все записи сделаны И.М. Дуровым в 1936 г. в Сумском Посаде и близлежащих селах — Нюхча, Лапино, Сумы, Колежма, Вирьма, Юкково. Вполне вероятно, что Дуров, ощутивший к этому времени идеологический прессинг, невозможность заниматься местной историей и памятниками прошлого и одновременно невозможность для себя заменить их изучением революционного движения или трудовых подвигов трудящихся, видел в детях единственную возможную для своих занятий среду. Тогда он работал счетоводом школы и, по воспоминаниям одного из старожилов (о них рассказывала мне бывшая заведующая краеведческим музеем Беломорска Т.И. Титова), «часто ходил с ребятами по деревне». Несомненно, ему была известна фольклорно-этнографическая деятельность в Поморье ссыльного Г. Цейтлина и его публикация, посвященная народным играм¹⁶. В ней есть описание, правда беглое, схематичное (об этом говорит сам автор), около 10 игр, полные варианты которых с комментариями Дурова содержатся в его коллекции.

